

Вергазова Оксана Владимировна

СВОЕОБРАЗИЕ "АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ" В ПОЭЗИИ П. И. КАРПОВА 10-Х - 20-Х ГГ. XX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/8/62.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 8 (39). С. 167-169. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

TBEIE – The third book of english idioms with explanations.
ASCE – American slang and colloquial expressions.
AE – American English idioms.
DAI – A dictionary of American idioms.
ODEI – Oxford dictionary of English idioms.
ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири.
СРФИЭС – Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.
НФСРЯ – Новый фразеологический словарь русского языка.
ФСТЯ – Фразеологический словарь татарского языка.

Список литературы

1. Дарбинян А. К. Общая характеристика метаязыка толковых словарей: автореф. ... канд. филол. наук. Ереван, 1988. 20 с.
2. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / отв. ред. С. Г. Бархударов Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 354 с.

УДК 821.161.1

Оксана Владимировна Вергазова

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

СВОЕОБРАЗИЕ «АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ» В ПОЭЗИИ П. И. КАРПОВА 10-Х – 20-Х ГГ. XX ВЕКА ©

Несмотря на то, что в последние десятилетия творчество П. Карпова неоднократно оказывалось в поле зрения исследователей, многие вопросы остаются неразрешенными. Одним из аспектов, оставленных без внимания литературоведов, является вопрос о способах выражения «авторской позиции» в поэзии Карпова.

На фоне наиболее талантливых выходцев из крестьянской среды – Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, П. Орешина – поэтический мир Карпова не является оригинальным открытием. Однако в нем отражается яркая индивидуальность писателя с особым острым чувством к малой родине, осознанием собственной роли в ее судьбе.

В поэзии Карпова 10-х – 20-х гг. XX века основным средством выражения «авторской позиции» является образ-символ, который всегда есть символ чего-нибудь, «какого-то бытия, какой-то реальности, какой-то действительности» [10, с. 30] и включает фольклорные, мифологические, исторические и автобиографические мотивы. Показательно в этом плане стихотворение «Заклятый цветок». Ключевые образы-символы, созданные в этом стихотворении, напрямую восходят к библейским и старообрядческим сказаниям о противостоянии сил божьих и дьявольских. Таков образ-символ «ладьи золотой», в которой по небу плывет «Спас».

Из ладьи золотой, из-за звезд,
В пляске лунной серебряных весел
Ворожа, Спас, блаженен и прост..,
В степь лазурный цветок перебросил [6, с. 7].

Карпов идет на явный диссонанс: Христос в языческой древнерусской ладье. В этом противоречивом образе-символе подчеркивается мысль автора о том, что основа идеологии христианства заключается в справедливом устройстве мира, а не в противостоянии традиций язычества и единобожия. Заметим, что в призыве лирического героя к бегству от нищеты и бедствий, к свержению престолов «и богов», библейский Творец употребляется во множественном числе и оказывается в одном ряду с «колдунами», что свидетельствует о причислении Христа к языческим богам [11]. Карпов указывает и на то, что «колдовское отречение» от христианства является единственным спасительным путем героя «и что дорога в рай – чрез ад и тьму» [Там же, с. 37]. Отступничество от Бога и одновременно упование на его милость – особенность двойственного существования героя у Карпова, его способность сочетать в себе доброе и злое, земное и небесное.

В отличие от Карпова образ Христа в поэзии «соседа» по времени Н. Клюева символизирует прежде всего спасение, преображение человеческой души.

Не суди нас, Боже, во многом,
А спаси нас, Спасе, во малом [7, с. 70].

Поэт называет Христа «мужицким», «берестяным», «в глазуриных лаптях», что говорит о его максимальной приближенности к земле, которую он спасает.

Он воскресенный Иисус,
Народ родной страны [Там же, с. 106].

Такое странное «неразличение» отражает идею автора о всеединстве: идей православной набожности, старообрядчества и сектантства. В поэзии А. Блока, которого Карпов считал своим другом и учителем, Бог выступает как высшая сила, имеющая власть над всеми природными стихиями. «Лазурный», «чистый», «нежный» образ Христа господствует над богоборчеством.

В своей молитве суеверной

Ищу защиты у Христа [2, т. 1, с. 141].

Несмотря на переключки поэтических образов П. Карпова и С. Есенина, мы не находим прямого соответствия в изображении Христа. Для Есенина Христос символизирует страдание, смирение. Поэтому поэт, отвергая старую Россию и вместе с ней старую религию, фактически отрекается от Христа и ищет нового Бога:

Я иным тебя, господи, сделаю [4, т. 1, с. 244].

Авторское «Я» в поэзии Карпова прослеживается и в интерпретации смерти. Образ смерти у поэта напрямую связан с проповедью о господстве дьявола на Русской земле и является отражением верований старообрядческой среды, в которой вырос писатель. Поэт убежден в том, «что каждый – только в смерти мир найдет» [6, с. 11], что только смерть избавит крестьянскую Россию от власти дьявола, скоморохов и колдунов, которые вершат страшные кровопролития. Даже «всемогущий Бог» не способен, по мнению Карпова, противостоять силе сатаны, поэтому из уст странника звучит громкий призыв: «Служите смерти, а не Богу...» [Там же, с. 10]. Уход от реального мира сопровождается стремлением к смерти и в поэзии В. Брюсова, которому старался подражать в своем раннем творчестве Карпов. Смерть у Брюсова есть упоение, «сладостная нега», единственный путь к возрождению отчаявшегося в жизни человека. Поэтому «вечная бездна», где нет места земным страданиям, не вызывает у поэта страха и осознания неизбежности. Более того, автор заявляет: «Я бы умер с тайной радостью» [3, с. 187]. В свою очередь Н. Клюев, размышляя о загробном мире, признает торжество жизни:

Звенящий ворох, это песни,

За них стань прахом и воскресни [7, с. 224]!

Мотив преодоления смерти звучит и в поэзии С. Есенина:

Сам себе казался я таким же кленом,

Только не опавшим, а всю зеленым [4, т. 2, с. 143].

Кроме того, образ смерти у Есенина символизирует утрату «земного» счастья со всеми его радостями.

Знаю я, что не цветут там чащи,

Не звенит лебяжьей шеей рожь [Там же, т. 1, с. 148].

Авторское начало в поэзии Карпова отчетливо проявляется и в создании образа-символа звезды. В стихотворении «Ключ-звезда» поэт подчеркивает трагизм разрыва между идеальным устройством бытия и социальной драмой действительности и отождествляет образ загадочной звезды с заветной мечтой о светлом будущем:

Ключ-звезда потонула в пруду...

Я навстречу созвездьям пойду

И ключом отворю небеса [6, с. 29].

Или:

В венце звезды незаходимой...

Мечта души моей цвела [5, с. 9].

Мистико-религиозное звучание приобретает образ звезды в стихотворении Карпова «Звездь»:

Бремя звезды / Непосильное / Невозвратно / Сожгли / Зорь дымы / Кадильные .../ А сады / Вдалеке / Расцвели [6, с. 21].

Ночные светила поэт противопоставляет дневным, которые сжигают надежды и мечты. Таким образом, звезды в поэзии Карпова не только несут в себе традиционное поэтическое значение указателя пути к лучшему, но и символа веры, непоколебимости в своих убеждениях. Другую семантику имеет образ звезды в поэзии А. Блока. В ранних стихах поэта звезда выступает как символ близкого свершения чего-то, как божественный знак.

Звезда-предвестница взошла...

Младенца Дева родила [2, т. 1, с. 166].

Позднее, в стихотворении «Успение» появляется «другая поздняя звезда» – символ не рождения, а смерти. К образу звезды обращался в своем творчестве и С. Есенин. Звезды в его поэзии символизируют свет и тепло, покой и умиротворение. С помощью образа звезды поэт находит путь к постижению истины.

Звездочки ясные, звезды высокие!

Звезды, таящие мысли глубокие [4, т. 2, с. 5].

«Авторская позиция» в поэтическом мире Карпова характеризуется и с помощью образа родной земли. Подчеркивая свою крестьянскую самобытность, поэт указывает на неразрывную связь человека с природой. Поэтому земля у писателя является олицетворением понятий материнства и народности.

Я люблю мою сирую землю...

Все: и пытку ее огневую,

И печальную радость приемлю [6, с. 19].

Писатель противопоставляет образ крестьянской России с ее душевной чистотой образу современной интеллигентской России, испорченной материальными благами. Автор стремится к убеждению темной народной массы в необходимости социального переустройства деревни и призывает «бурнопламенного мужика» к борьбе с «дьяволом», к возрождению «глухой Руси»:

Ты вороном над бором старым,
Багряный колокол, гуди...
И Русь глухую пробуди [Там же, с. 46].

Контраст между мечтой и реальностью преодолевается уверенностью Карпова в том, что «не умерла еще Россия» [Там же, с. 10], что родная «сирая земля» вырвется из когтей «железных птиц» «и счастье под звездами возможно» [Там же, с. 44]. В отличие от Карпова С. Есенин признает неизбежным прощание со старой деревней в условиях технического прогресса:

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям.
Нищету твою видеть больно... [4, т. 2, с. 135].

По настроению образ «полевой России» чем-то перекликается с блоковскими скорбными раздумьями о Родине:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви! [2, т. 2, с. 29].

Символом благодати и «избяного рая» является образ родной крестьянской земли в стихах Н. Клюева. Защита национальных начал народной жизни от наступающей на Россию бездушной "железной" городской культуры оборачивается у Клюева защитой "дремучих" вековых устоев, древнего религиозного миропонимания, в конечном счете – неприятием социального прогресса:

Заломила черемуха руки...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай [7, с. 46].

Таким образом, анализируя своеобразие «авторской позиции» в поэзии П. И. Карпова 10-х – 20-х гг. XX века, следует подчеркнуть, что под пером талантливого писателя образ-символ приобретает неповторимое авторское звучание. С помощью символов Карпов смог ярко отразить кричащие противоречия эпохи социальных потрясений, которую переживала в то время Россия. Кроме того, обрывистая речь, контрастная и рваная композиция его произведений вбирают в себя многие поэтические открытия первой трети XX века, отражают нелегкую судьбу поэта-самородка. Образы-символы «Христа», «смерти», «звезды» и «земли» у Карпова передают двойственную природу крестьянина, сочетающую в себе любовь и привязанность к земле с разочарованием и стремлением обрести справедливость в жестоком мире материальных ценностей. Именно отрицание смирения в крестьянине, утверждение его права на борьбу с засильем интеллигенции, среди которой он чувствует себя «отщепенцем» и «отверженцем», делает Карпова ярким образцом социального типа русского человека той эпохи.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Иск-во, 1986. 445 с.
2. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр: в 2-х т. Л.: Изд-во «Худ. лит-ра», 1972. Т. 1. 559 с.; Т. 2. 464 с.
3. Брюсов В. Я. Сочинения: в 2-х т. М.: Худ. лит-ра, 1987. Т. 1. 575 с.
4. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Сов Россия, 1990. Т. 1. 382 с.; Т. 2. 478 с.
5. Карпов П. И. Звездь. Стихи. М.: Поморье, 1922. 64 с.
6. Карпов П. И. Русский ковчег. Стихи. М.: Новая жизнь, 1922. 63 с.
7. Клюев Н. А. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990. 239 с.
8. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Стр-цы истории русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 199-207.
9. Куняев С. С. Певец светлого града // Карпов П. И. Пламень: роман. Русский ковчег: кн. стихотворений. Из глубины: отр. воспоминаний. М.: Худож. лит-ра, 1991. С. 3-44.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 389 с.
11. Прохоров С. М. Ось «низ-верх» в мифопоэтической модели Пимена Карпова: книга «Русский ковчег» [Электронный ресурс]. URL: <http://eroshenko-epoko.narod.ru./Materials/Prokhorov>